

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 3 (58)
2022**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зими́на О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Пошехонова О.Е., ТюмНЦ СО РАН; Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2022

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 3 (58)
2022**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

- Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

- Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Poshekhonova O.E., Tyumen Scientific Centre SB RAS
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Татаурова Л.В.^{а, с, *}, Татауров С.Ф.^{а, с}, Татауров Ф.С.^{б, с}, Сопова К.О.^{а, с}

^а Институт археологии и этнографии СО РАН, просп. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090

^б БУК «Омский государственный историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская»
Р. п. Большеречье Омской обл., ул. Советов, 29, 646670

^с Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, просп. Мира, 55а, Омск, 644077
E-mail: li-sa65@mail.ru (Татаурова Л.В.); tatsf2008@rambler.ru (Татауров С.Ф.);
fil_opossum@mail.ru (Татауров Ф.С.); sopovaukropova@gmail.ru (Сопова К.О.)

РОССИЙСКИЙ ФРОНТИР В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (XVI–XVIII вв.) — АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ

В современном историческом знании изучение сибирского фронта основано на письменных источниках, которые не могут быть исчерпывающими и самодостаточными. Как правило, они отражают мнения людей, их составивших, или являются административными документами. Привлечение для анализа археологического источника в исследовании концепции и составляющих фронта позволяет получить овещественную модель этого феномена с точки зрения военной, экономической и культурной стратегии его формирования и развития.

Ключевые слова: Сибирь, фронт, археология, русские, Тарское Прииртышье.

Введение

Процесс присоединения Сибири к Московскому царству в исторической литературе подробно описан и разобран практически на всех уровнях научного анализа. Выдающиеся отечественные историки В.Н. Татищев, Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский и другие акцентировали внимание на этой составляющей истории Российского государства, показывая ее важность. Г.Ф. Миллер, З.Я. Бояршинова, С.В. Бахрушин, В.И. Шунков и другие авторы описывали процесс присоединения региона к Российскому государству и его освоение, особенно касаясь противостояния с Сибирским ханством. Часть авторов (например, Г.Ф. Быконя, Н.Г. Аполлова, Т.С. Мамсик) посвятили свои работы истории присоединения отдельных регионов, описав как конкретные события вроде основания городов и острогов, так и характер освоения природных ресурсов. В основе всех без исключения исследований лежат письменные источники — записки воевод сибирских городов, государственные указы, дневники путешественников и т.д. При всей их информативности эти источники в определенной степени субъективны. Сибирские воеводы и чиновники при подготовке документов зачастую искажали истинные события: указывали неверное количество ясачного населения для уменьшения налогов, преувеличивали убытки от пожаров и стихийных бедствий, испрашивая помощи у Москвы, преуменьшали потери служилых людей в стычках со степняками и т.д.

Поэтому реконструкция процессов формирования западносибирского фронта, динамики его изменений невозможна без привлечения других видов источников, прежде всего археологических. Раскопки русских памятников в регионе в последние десятилетия привели к формированию представительной вещественной базы данных по проблемам военно-политического, экономического и культурного заселения и освоения русскими Западной Сибири в XVI–XVIII вв.

Примером междисциплинарного синтеза исторических документов и археологического материала может служить изучение русских памятников XVI–XVIII вв. в Тарском Прииртышье: города Тары, Бергамаского острога, деревень Изюк и Ананыно. Полученные в ходе археологических раскопок коллекции в вещественном отражении характеризуют исторические события этого периода, позволяют реконструировать систему жизнеобеспечения и культуру населения региона.

Тарское Прииртышье на протяжении почти двух веков оставалось пограничной территорией в условиях напряженной военно-политической обстановки. Противостояние Российского государства и кочевых племенных образований диктовало определенный характер социально-экономического и культурного развития. За период с конца XVI по XVIII в. пройден путь от первых крепостей и острогов до появления одного из крупнейших в Западной Сибири земледельческих районов.

* Corresponding author.

Цель исследования — определить с использованием археологических материалов основные стратегии развития Тарского фронта: военную, как основной фактор продвижения на восток и удержания присоединенных земель; экономическую, которая заключалась в формировании продовольственной безопасности региона; культурную, как основу социально-культурного развития населения г. Тары и Тарского уезда, установления межэтнических взаимоотношений. В перспективе это позволит создать многокомпонентную модель российского фронта XVI–XVIII вв. для данного региона, выявить особенности его формирования, характерные черты, маркеры и динамику изменений как условия продвижения государства на восток и юго-восток. Результаты исследования будут применимы для большей части городов Западной Сибири, расположенных на сходных с Тарским Прииртышьем по природно-географическим условиям территориях.

Методы и материалы

В качестве методического основания исследования мы взяли теорию фронта, как наиболее точно отражающую ситуацию присоединения Сибири — и Тарского Прииртышья в частности — к Российскому государству.

Теория фронта, родившаяся в конце XIX в. в США в связи с объяснением особенностей развития американского государства, достаточно быстро получила развитие в мировом научном сообществе. Наиболее показательными считаются работы классиков фронтальной теории Р.А. Биллингтона, М. Ридге, М. Бассина. Эти труды базируются исключительно на письменных источниках об освоении североамериканского запада [Billington, Ridge, 1980; Billington, 1991] и представляют американский взгляд на восприятие Сибири как фронта российским обществом XIX в. [Bassin, 1991].

Изучение проблемы фронта в России и мире в настоящее время имеет широкий размах. С 2000 г. в России и США издается международное периодическое издание *Ab Imperio*, в котором рассматриваются в том числе вопросы формирования и эволюции фронта в России и Сибири. С 2015 г. выходит рецензируемое научное издание «Журнал Фронтальных Исследований», посвященный исключительно обозначенной тематике. В отечественной науке концепция фронта начала развиваться только в конце XX — начале XXI в., и она применима для процесса расширения границ в самом широком смысле этого слова («свой — чужой»), в изучении изменения российских рубежей на окраинах Российского государства. Азиатское направление российской внешней, а затем и внутренней политики требует особого рассмотрения, так как оно с точки зрения теории фронта никогда не изучалось. Сегодня, когда историческая, в том числе археологическая, наука накопила значительный материал по истории колонизации, его интерпретация с помощью фронтальной методологии представляется актуальной и интересной. Следует отметить в этом ключе работы И.П. Басалаевой [2012], С.А. Головановой, В.Г. Шнайдера [2012], Л.В. Баемовой [2016], Е.Н. Крупенкина [2018]. Непосредственно о сибирском фронте писали Л.М. Иванова [2016], Р.Г. Буканова, А.А. Шарипов [2018] и др.

Российские исследователи изучают процессы, связанные с освоением Сибири, Кавказа, Алтая и других пограничных регионов Российского государства в XVI–XIX вв., зачастую сравнивая их с освоением североамериканского запада [Ламин, 2001; Ивонин, 2002; Резун, Шиловский, 2005; Агеев, 2005; Ремнев, 2013; и др.]. Основные направления исследований — локальная идентичность проживающих на фронте этносов и этнических групп, экономические, политические и ментальные особенности развития пограничных регионов, взаимодействие фронта и метрополии. Стоит отметить, что выдвинутые 15–20 лет назад положения российской теории фронта в настоящее время остаются основополагающими в этой научной тематике, новые теоретические разработки отсутствуют.

Наше исследование построено на применении комплекса подходов и методов, используемых для изучения археологических источников позднего Средневековья, Нового времени. Источниковедческий подход направлен на анализ постоянно пополняющихся коллекций и материалов раскопок. Здесь особое значение имеет типологический метод, позволяющий структурировать предметные комплексы, выявлять типы и варианты в категориях объектов разного или одного назначения. Особенность применения этого метода для материалов Нового времени в том, что обязательна корреляция выделенных типов с этнографическими материалами и письменными источниками [Татаурова, 2021]. Комплексный подход определяется использованием применительно к археологическому материалу различных методов: общенаучных, археологических, этнографических, естественных наук, его целью является всестороннее и углубленное изучение предмета исследования.

В исследовании привлечены результаты археологических раскопок г. Тары, острогов и сельских поселений Тарского Прииртышья. Блоки материалов по жилищно-хозяйственной и

фортификационной архитектуре, предметные комплексы военного, производственного и культурно-бытового назначения, антропологические, палеозоологические и палеоботанические коллекции позволят смоделировать основные параметры социально-экономического и историко-культурного развития региона. До настоящего времени массового и комплексного использования археологического источника для изучения сибирского фронта XVI–XVIII вв. не отмечалось.

Результаты исследования и обсуждение

Военная составляющая фронта играла важнейшую роль в первоначальный момент присоединения Сибири к Московскому царству, во время противостояния с Сибирским ханством, — практически до конца XVI в. Затем последовал небольшой период спокойствия, когда границы отодвинулись далеко на юг и р. Омь стала границей русских владений, но уже в 1607 г. появляются первые орды калмыков, и все земли южнее р. Тары были потеряны, а поставленная сеть русских острожков — Барабинский, Убинский и др. — уничтожена. Апогея давление калмыков достигло к 1634 г., когда в сентябре — октябре они вместе с кучумовичами дважды пытались штурмовать Тару, но были отбиты. По словам В.Д. Пузанова, «русские не только не смогли защитить территорию уезда, но и фактически потерпели поражение под стенами самой Тары, так как после разорения ее окружи нападавшие с добычей смогли уйти в степь [2010, с. 73]. С основанием на берегах Ишима Каурдакского, Тебендинского и Ишимского острогов в 1631 г. началась постройка первой оборонительной линии [Миллер, 2000, с. 448]. Но, несмотря на постоянное увеличение числа опорных пунктов, ежегодно с юга на земли Тарского уезда совершали набеги степняки разных этнических образований. Только с перенесением военно-административного центра в Омск Тара утратила свою военную значимость.

В нашем исследовании мы не будем рассматривать причину поражения сибирских вооруженных формирований перед русскими отрядами, нам важно выявить все слагающие военного дела, позволившие Москве присоединить и удержать сибирские земли. В исторической литературе сложилась устойчивая точка зрения о том, что русские покорили Сибирь благодаря огнестрельному оружию [Матвеев, Татауров, 2012, с. 151–204]. Армия хана Кучума и военные подразделения других государственных образований степного пояса Сибири так и не нашли противодействия пушкам и пищалям. Часто описываются случаи, когда русские отряды в стычках с противником не несли никаких потерь. Но, на наш взгляд, исторические документы далеко не полностью отражают причины военного превосходства русских в процессе успешного продвижения на восток. Археологические материалы позволяют несколько по-иному взглянуть на военную составляющую русского фронта в Сибири.

Огнестрельное оружие демонстрировало свое превосходство в дистанционном сражении только в момент прямого боестолкновения. Военачальники хана Кучума не смогли выработать новую тактику ведения полевых сражений, раз за разом подставляя своих воинов под залпы русских пушек и пищалей. Но если рассматривать несколько десятилетий после окончательного разгрома в 1598 г. хана Кучума на Ирменском лугу в Приобье, то следует констатировать, что ставшие основными противниками русских вслед за татарами калмыки нашли способ противодействовать огнестрельному оружию и штурмовали русские остроги Барабинский, Убинский и др.

Удерживать территорию русским позволил другой фактор — деревянное оборонительное зодчество. Известный отечественный исследователь Н.П. Крадин писал: «В истории русской архитектуры оборонному зодчеству принадлежит особое место. Многочисленные крепости и монастыри... способствовали защите границ, подъему и укреплению духа русского человека, а затем объединению этих земель вокруг Москвы и созданию многонационального Русского государства» [1988, с. 5]. Это высказывание в полной мере можно применить к Сибири. Деревянные крепости, остроги и острожки плюс мужество русских воинов смогли остановить давление гораздо более многочисленных степняков. Фортификационные сооружения, даже с совсем небольшим гарнизоном, противостояли ордам калмыков. Показательна судьба Барабинского острожка. В 1627 г. отряд местного приказчика, тарского сына боярского Воина Дементьева был осажден здесь татарами и калмыками. Они подожгли стены — положение казалось безвыходным. Однако В. Дементьев, собрав остатки отряда, сумел пробиться на Тару через огонь и ряды осаждавших [Ивонин, Гончаров, 2014, с. 96]. В июне следующего года калмыки с татарами вновь окружили Барабинский острог. Гарнизон острога из 18 человек под началом сына боярского Егора Пружинина героически сражался до последнего человека, однако пал [Миллер, 2000, с. 113, 704]. Небольшие фортификационные комплексы с малочисленными гарнизонами свое предназначение выполняли полностью: воинские командиры в городах вовремя получали

предупреждение о подходе орды и высылали навстречу отряд для упреждения грабежа калмыками русских деревень. Если небольшие острожки еще удавалось взять, то городские оборонительные системы оказались в итоге перед степняками неприступными.

Фортификация сибирских городов нам хорошо известна по рисункам С.У. Ремезова [1882], но археологически исследованы (частично) только оборонительные системы Тобольска [Матвеев и др., 2010; Аношко, Клименко, 2019] и Тары.

Тобольск возводил свои первые укрепления в непосредственной близости от бывшей столицы Сибирского ханства — Искера, в условиях потенциально высокой военной опасности, однако через непродолжительное время оказался далеко от военных действий.

Тара ставилась изначально как город-крепость для контроля над южной границей российских земель и как форпост для дальнейшего продвижения на восток и юго-восток. Система фортификации, ее плановость, расположение башен с учетом использования артиллерии и ручного огнестрельного оружия выполнены на самом высоком для того времени уровне — впоследствии, в 1634 г., это полностью себя оправдало. В этом контексте археологические раскопки существенно дополняют письменные источники, показывают детали, отсутствующие на планах и в описях.

Первое описание Тарской крепости имеется в наказе основания города: «А пришед на Тару реку, присмотреть под город место, где пригоже быти новому, городу, туто и место очистить и город поставить. А делать город и лес возить всею ратью, всеми людьми и конными и пешими, и зделать бы город во всех стенах, и в башнях и в городи... сажен около в полтретьяста или в [три]ста, то по месту смотря, да острог де[лати] сажен в 300, и в 400, и..., смотря по людям, и до 500 сажен... острог, то посмотри по людем, по там[ошнему делу]» [Миллер, 1999, с. 347–348]. Но, как отметил Г.Ф. Миллер, это предписание точно выполнено не было: «Оба укрепления в том виде, как они были тогда построены, стояли до 1669 г... Внутренний город занимал тогда не больше 42 квадратных сажен, а острог — только 200 сажен в длину и 150 сажен в ширину» [Миллер, 2000, с. 284].

В.Н. Кочедамов на основании найденных им документов писал, что служилые люди срубили небольшую крепость с острогом, окружили их стенами с пятью башнями. Главная Спасская башня, с выездными воротами, выходила на тобольскую дорогу. Второй по значимости была Водовозная «Водяные ворота», контролирующая спуск к реке Аркарке [Кочедамов, 1978, с. 86].

Вся система укреплений города была построена с учетом максимальной обороноспособности, во многом ущемляя дальнейшее развитие города. Проживание населения на очень ограниченной территории в течение большей части XVII в. приводило к постоянным разрушительным пожарам, когда выгорала значительная часть города. Эта была плата за безопасность, так как калмыки регулярно грабили и сжигали окрестные деревни. Существовало несколько линий обороны — крепостные стены с башнями, острожные стены с башнями, полевые укрепления в виде рва и двух валов и перед рвом двойной ряд надолбов.

Археологические исследования показали, что система обороны была даже сложнее, чем зафиксировал С.У. Ремезов. Приведем один пример. В 2009–2011 гг. обнаружена и полностью раскопана северо-восточная восьмиугольная башня тарской крепости (на рисунке Ремезова она расположена непосредственно в крепостной стене). Остатков стен рядом с башней нет, поэтому сделано предположение, что это башня-бык, а стена располагается в 15–20 м глубже от края террасы.

Строение находилось на ровной площадке, с напольной стороны зафиксирован небольшой глиняный вал, шириной 4 м, высотой 0,4 м. Срубная конструкция башни восьмиугольной формы, максимальная ширина 6 м. Длина стороны в среднем составила 2,5 м. Сохранилось шесть венцов, бревна которых соединены способом «в обло», в чистый угол (без выпусков). При строительстве нижние пять венцов были опущены в яму глубиной 0,8 м и положены прямо на землю. Эта часть сруба сделана на конус, после чего пространство между стеной ямы и срубом засыпали, и затем сруб был продолжен уже вертикально над уровнем земли. После срытия крепости основание башни засыпали землей.

Фортификация Тары в полной мере оправдала свое назначение осенью 1634 г., когда выдержала два штурма калмыков [Татауров, 2019]. Максимальное использование артиллерии и в целом огнестрельного оружия остановило калмыков у самых стен крепости. В северной части острога найдено несколько расплюснутых об избы пуль и сломанных костяных и железных стрел — по всей вероятности, нападающие сумели преодолеть острожные укрепления, но дальше продвинуться не смогли.

Успешность применения огнестрельного оружия и стойкость крепостей и острогов напрямую зависела от организованной системы снабжения и ремонта. Город Тара был поставлен на

расстоянии нескольких сот верст от Тобольска, и долгое время единственным надежным путем между ними был Иртыш. В XVII в. ввиду почти постоянного военного положения в крепости практически не развивалось ремесло [Гончаров, Ивонин, 2014], за исключением кузнечного дела: оружие и воинское снаряжение необходимо было оперативно чинить. Археологические изыскания позволили собрать представительную коллекцию инструментария тарских оружейников, причем многие предметы имеют европейское происхождение, например напильники.

Тара в первые годы часто испытывала трудности с продовольствием, так как не имела своей пищевой базы, но нет свидетельств о нехватке воинских припасов — свинца и пороха. Москва и Тобольск в первую очередь обеспечивали гарнизоны своих городов всем необходимым для военных действий. В археологических коллекциях есть несколько находок свинцовых брусков со следами рубки на пули [Татаурова, Татауров, 2019]. Снабжение воинскими припасами и содержание оружия — те обязательные условия, которые не позволили татарам и калмыкам овладеть огнестрельным оружием и применять его против русских. Даже в случае захвата пещалей, например при гибели отряда Ермака в устье Вагая, оружие либо выкидывали, либо прятали — оно нигде позже не фигурирует.

Военное превосходство русских над аборигенами дало возможность сравнительно легко сломить силы Сибирского ханства и занять значительную часть территории Западной Сибири. Строительство городов, острогов, укрепленных линий из острожков и форпостов позволило удерживать землю несмотря на сильное давление калмыков и других степняков. Но сделать это было бы практически невозможно без формирования в кратчайшие сроки систем продовольственной безопасности и обеспечения продукцией ремесленного производства — это определило успешность военной стратегии на русском фронтире в Сибири.

Тара основана в центре проживания аялыньских татар — наиболее последовательных сторонников последнего правителя Сибирского ханства — хана Кучума и его преемников. Расстояние до Тобольска, откуда поступали продовольствие и необходимые вещи для жизни города, было велико, берега Иртыша, как основной транспортной артерии, небезопасны, поэтому перед воеводами встал вопрос об обеспечении гарнизона и горожан продовольствием. На территории крепости были построены амбары (житницы), где хранили зерно, соль и др., в погребах-ледниках складировали мясо и рыбу.

Дополнительными источниками пищевых ресурсов были охота, рыболовство и собирательство. Анализ палеозоологических материалов из культурного слоя города показал значительное количество добывавшихся лосей и косуль, боровой и водоплавающей птицы. Богатейшие рыболовные угодья внесли серьезную лепту в рацион питания тарчан. По результатам анализа ихтиологических материалов, основными объектами промысла были нельма, осетровые породы и щука. В культурном слое Тары собраны материалы, свидетельствующие о собирательстве: скорлупа кедровых орехов, косточки ягод (черемухи) и т.д. [Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., 2020, с. 356–359]. Наличие рыбы и зверя помогло населению в продовольственном обеспечении города в момент его основания, когда все силы были сосредоточены на создании фортификации, амбаров-хранилищ, жилья. Но при первой же возможности стали предприниматься попытки обустройства собственной пашни.

Земли к югу от Тары пришлось оставить из-за давления калмыков, а севернее почвы малопродуктивны. Тарское воеводство долгие годы вместе с Березовским и Сургутским относилось к малопашенным уездам. В Дозорной книге за 1624 г. сообщается, что тарские крестьяне бедны, «пашнями своими не издоволены» [Колесников, 1999, с. 17]. Только с появлением серии постоянных караулов к югу от Тары в середине XVII в. и постройкой Бергамакского острога на р. Таре в 1668 г. стало возможным развивать земледелие к югу от города.

Во главе этого процесса стали служилые люди. К началу XVIII в. 317 казаков, или 43,8 %, полностью или частично «служили с пашни», из 47 детей боярских землями владели 18 чел. (38,3 %), из 331 конного казака — 205 (62,1 %), из 346 пеших казаков — 94 (27,1 %) [Ивонин, 1996, с. 219].

Вместе с земледелием в Таре и окрестных деревнях развивалось скотоводство. При раскопках в городе культурного слоя XVII–XVIII вв. обнаружено значительное количество костей домашних животных. По результатам анализа археозоологических материалов установлено, что преобладали кости крупнорогатого скота, также встречены костные остатки свиней, мелкорогатого скота и лошадей [Бондарев и др., 2020]. Лошадь была востребована казаками тарского гарнизона, о чем свидетельствуют находки стремян и подков ранних форм, не только в городских, но и деревенских слоях. Нужна она как рабочее животное и в земледелии. К началу XVIII в. тарским служилым людям принадлежало 1404 лошади, 1461 корова и 932 овцы [Ивонин, 1996, с. 130–131].

Развитие земледелия потребовало строительства комплексов для переработки урожая, и уже в 1598 г. была построена первая мельница. В последующем «мутовчатые» и затем «колесчатые» мельницы появились близ деревень на небольших речках Тарского уезда. Обломки изношенных жерновов во множестве встречаются в культурных слоях города и окружающих его сельских поселениях. В процессе раскопок собраны коллекции сельскохозяйственного инвентаря — косы горбуши и литовки (последние в более поздних слоях), серпы, железные сочленения для цепов, фрагменты граблей и т.д. Со временем привозной инвентарь заменяется местными изделиями.

При всех сложностях, связанных с природно-географическими особенностями, неослабевающей на протяжении всего XVII в. военной угрозой, Тара смогла сформировать развитую систему жизнеобеспечения, основываясь на доступных ей природных ресурсах. Было налажено выращивание злаковых культур, организовано скотоводство. Богатство местных рек и лесов использовалось в развитии охоты, рыболовства и собирательства. Все это позволило снабжать Тарский гарнизон и полевые караулы своим продовольствием. Создание экономической базы для русского сибирского города в очень ограниченные сроки во враждебном окружении аборигенного населения стало серьезнейшим фактором закрепления Российского государства на сибирских землях и дальнейшего продвижения на восток.

Остановимся на вопросе культурной стратегии функционирования русского фронта в регионе. Русские принесли в Сибирь передовые технологии в обработке дерева и металлов, производстве керамики и другие достижения своей материальной и духовной культуры. Эти прогрессивные хозяйственные методы можно считать одним из мощнейших инструментов воздействия на аборигенное население с целью перехода их из статуса противников в положение верноподданных Российского государства [Татаурова и др., 2014, с. 96–141].

В Таре, как и в других русских городах Сибири — Тобольске, Томске практически сразу после основания сформировались татарские (бухарские) слободы. Ядром стали служилые татары, часть которых приняла православие, и выходцы из Средней Азии (сарты), появившиеся в Сибири благодаря караванной торговле. Постепенно эти пригороды стали многочисленными и играли весьма значимую роль в жизни городов [Корусенко, 2011]. Жить в городах инородцам запрещалось: «...а стояли бы под городом, а в город их не пущать, покаместа город не укрепит-ся, чтоб им людей государевых не смечать» [Миллер, 1999, с. 348]. Кроме того, инородческие слободы стали центрами (проводниками) по распространению среди татарского населения русской культуры. Обратим внимание на несколько моментов.

Слободы начали формироваться практически сразу после основания городов, причем население переселялось в них добровольно. Никаких ограничений на проживание в них не было. Например, в Тару переехал жить Дин-Аул-Хаджи, прибывший в свое время из Средней Азии по приглашению хана Кучума во главе миссии по распространению ислама [Томилов, 1992, с. 81]. Сам факт поселения в слободе стал актом признания власти нового государя в лице местной российской администрации.

Фактически татары переселялись из одного мира в другой, потому что все элементы традиционной культуры испытали воздействие русского мира. Это проявилось в домостроении — строительство жилищ по русскому образцу [Татаурова и др., 2014, с. 116, 117], в изменении традиционно-бытовой культуры и структуры питания, ремесленных технологий. Особенно наглядно это выразилось в гончарстве. Более совершенная, качественная, а значит, удобная в использовании плоскодонная посуда русских типов и форм к началу XVIII в. полностью вытеснила круглодонную татарскую [Татаурова и др., 2014, с. 126–128]. Это хорошо иллюстрируется археологическими материалами татарского поселения Бергамак III на р. Таре, расположенного близ Бергамакского острога. В нижних горизонтах культурного слоя почти нет русской керамики, в верхних — отсутствует татарская [Там же].

В лексике появляется огромное количество русских слов, разрушаются принципы социальной дифференциации — все это существенно влияет на мировоззрение сибирских татар. Пока не до конца исследован процесс исламизации тюркоязычного населения на российских землях, но и в этом русская администрация получила достаточно много дивидендов. Разрыв между угорским и тюркским населением существенно ослабил противостояние Российскому государству. Крещение служилых татар, большинство из которых относилось к ведущим родам, внесло раскол в само татарское общество. Дополнительные рычаги управления в виде правил шариата, по которым стали жить сибирские татары, также использовались для их повиновения [Томилов, 1988, 1992]. Можно сказать, что Москва с одинаковым для себя эффектом одновременно строила в Сибири церкви и мечети. В некоторых регионах Сибири были попытки насильно массово

окрестить тюркоязычное население, но они сравнительно быстро прекратились из-за угрозы военного противостояния. В Таре мечети строились по инициативе мусульманской общины, а горели не по воле русской администрации, а вместе со всем городом [Татауров, 2010].

По российскому образцу реформирована политическая и социальная структура татарского общества. Территория, на которой проживали татары, была поделена на инородческие волости, ими управляли главы наиболее сильных родов, на них был возложен учет населения и сбор ясака. Отчет они держали непосредственно перед тарскими воеводами. В их полномочия входили разбор мелких конфликтов и выполнение определенных работ по наказам воевод. Тем самым российская администрация, сохранив у татар в определенной мере иерархию предшествующих времен, полностью переориентировала управление на себя. Археологические материалы татарских поселений и могильников подтверждают близость социально-культурного облика русского населения Тары и Тарского уезда с инородцами.

Сибирские татары через сравнительно небольшой период времени стали использовать русский производственный инвентарь по деревообработке, земледелию, кузнечному делу. Погребальные памятники содержат в сопроводительном материале украшения, посуду и оружие (несмотря на все указы, запрещающие продажу его аборигенам) [Татауров, Шлюшинский, 2006]. При этом сохранение определенного положения элиты татарского общества позволило сохранить традиционную культуру, язык и самосознание этого народа.

Русский сибирский город в XVII–XVIII вв. был не только военно-административным центром, но и фронтиром культурного развития региона, так как в нем сосредоточена духовная жизнь. Не случайно днем города в Таре считается 15 августа, когда в присутствии всего населения освятили Успенскую церковь. Жители окружающих деревень в субботние и воскресные дни по возможности посещали церкви, где часто заказывали службы для всего поселения.

В силу напряженного военного положения вся торговля была сосредоточена в городе, только здесь можно было приобрести необходимый инвентарь или предметы быта, одежду и пр. Небольшие сельские ярмарки появляются уже во второй половине XVII в. Отсутствие ремесленников вынуждало везти в город на ремонт инструменты и другие необходимые вещи. Посещение города было информационным событием, в ходе которого узнавали государственные новости, о ситуации со степняками, получали новые знания и мн. др. Можно с полным основанием утверждать, что город полностью формировал и контролировал социально-экономическое и культурное развитие региона.

Заключение

Процесс присоединения Западной Сибири к Российскому государству, описанный историками, на современном этапе требует вещественного отображения, позволяющего существенно дополнить и акцентировать внимание на некоторых моментах, неизвестных по письменным документам. Такую возможность дают комплексные археологические исследования русских памятников конца XVI — XVIII в. Синтез разноуровневой информации позволяет получить новые знания по основным составляющим истории сибирского фронта.

На настоящий момент археологические материалы раскопок позволяют выделить три основных фактора продвижения Российского государства на восток: военный, экономический и культурный.

В военной сфере выделяется огневая мощь стрелкового и артиллерийского оружия, подкрепленная надежной системой снабжения и обеспечения воинских отрядов. Даже в сложные периоды русские воины были обеспечены воинскими припасами и продовольствием, своевременным ремонтом оружия. Это позволяло побеждать гораздо более многочисленного противника в боевых столкновениях. Но не менее, а может, и более значимым было русское оборонное искусство. За всю историю присоединения Западной Сибири к Российскому государству ни один город не был взят неприятелем. Города-крепости, как, например, Тара, выдерживали осады и приступы, обеспечивали защиту русских земель и являлись плацдармами для дальнейшего продвижения.

Экономическая составляющая проявилась в гибкой системе использования новых для пришлого населения природных ресурсов. Российские города в чрезвычайно короткий срок создали систему продовольственной и затем производственной безопасности, наладили бесперебойное снабжение гарнизонов острогов и полевых караулов. Население городов и окружающих деревень сформировало устойчивую продуктовую базу сначала на основе местных природных пищевых ресурсов, а затем развил в соответствии с географическими условиями земледелие и скотоводство. К началу XVIII в. сибирские города превратились в развитые ремесленные центры, снабжая своей продукцией сельское население и отправляя ее для торговли на сопредельные территории.

Не менее важным в формировании российского фронта в Западной Сибири стал культурный фактор. Русские принесли в Сибирь христианство и не препятствовали распространению ислама. Православие сопровождало все мероприятия Российского государства, процессы переселения русских из Европейской России, адаптацию их на новых территориях. Обратило в свою веру угорское население — при определенной формальности этого процесса, сохранении, в частности, языческих пережитков, это позволило направить хантов и манси в свое религиозное поле, навсегда отколов их от мусульманского тюркского мира.

Тюркоязычное население, во многом под влиянием переселившихся в Сибирь казанских татар, массово приняло ислам, что способствовало сохранению социокультурных связей между его отдельными группами, общего самосознания и традиционной культуры. Ислам пришел в Сибирь задолго до казанцев, но только переселение мусульман из Поволжья позволило перевести эту религию из привилегии элиты в иное качественное состояние — веру всего народа. Следует отметить, что не всегда это происходило мирным путем [Татауров, Корусенко, 2015].

Русский фронт в Сибири не мог быть столь эффективным без характера народа. Никакое оружие и укрепления не стоят ничего без доблести русских воинов, таких как гарнизон сына боярского Егора Пружинина, погибших героически защищая Барабинский острожек. Без отдачи в хозяйственной деятельности, когда за несколько месяцев на новом месте вставала Тара со своими укреплениями, а через несколько лет обеспечила себя, округу и полевые гарнизоны продовольствием. Без культурной нетерпимости, позволяя аборигенному населению, в полной мере перенимать опыт и технологии производства, приобщаться к русской традиционно-бытовой культуре.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках Гранта РФФИ №22-28-20179 «Тара и Тарский уезд на западносибирском фронте Российского государства в XVI-XVIII вв.: история и археология».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: Движение фронтов. М.: Аспект Пресс, 2005. 330 с.
- Аношко О.М., Клименко А.И. Тобольский посадский острог XVII века // Теория и практика археологических исследований, 2019. № 3 (27). С. 7–19.
- Аполлово Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в. М.: Наука, 1976. 371 с.
- Баева Л.В. Проблемы культурной безопасности в изучении фронтальных регионов // Гуманитарный вектор. Сер. Философия, культурология. 2016. № 2. С. 37–42. <https://doi.org/10.21209/2307-1826-2016-11-2-37-42>
- Басалаева И.П. Критерии фронта: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 46–49.
- Бондарев А.А., Татаурова Л.В., Татауров С.Ф. Животноводство и охота в экономике русских Тарского Прииртышья: Опыт сравнительного исследования города и деревни // Экология древних и традиционных обществ: Материалы VI Междунар. науч. конф., Тюмень, 2–6 ноября 2020 г. Тюмень: Изд-во ТюмНЦ СО РАН, 2020. Вып. 6. С. 292–295. <https://doi.org/10.20874/978-5-89181-072-3>
- Буканова, Р.Г. Шарпов А.А. Концепция фронта как познавательный инструмент в изучении истории российско-казахстанских отношений в XVIII–XIX вв. // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. 2018. Т. 45. № 2. С. 326–332. <https://doi.org/10.18413/2075-4458-2018-45-2-326-332>
- Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1981. 248 с.
- Голованова С.А., Шнайдер В.Г. Концепция «фронта» в современной кавказоведческой литературе // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1, Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. Вып. 3. С. 59–66.
- Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р. Социально-экономическое развитие Тары в конце XVI — конце XVIII века // Тара в XVI–XIX веках — российская крепость на берегу Иртыша. Омск: Амфора, 2014. 332 с.
- Иванова Л.М. Сибирский фронт: Изучение вопроса в отечественной исторической науке // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 410. С. 72–76. <https://doi.org/10.17223/15617793/410/11>
- Ивонин А.Р. Формирование городского ядра в городах Западной Сибири во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. // Ученые записки Алтайского государственного института искусств и культуры. Вып. 2. 2002. С. 155–156.
- Ивонин А.Р. Городовое казачество Западной Сибири в XVIII — первой четверти XIX вв. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1996. 226 с.
- Колесников А.Д. Омская пашня: Заселение и земледельческое освоение Прииртышья в XVI — начале XX веков. Омск, 1999. 106 с.
- Корусенко С.Н. Сибирские бухарцы в начале XVIII века. Омск: ИД Наука, 2011. 248 с.
- Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. М.: Стройиздат, 1978. 443 с.
- Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. М.: Искусство, 1988. 190 с.
- Крупенкин Е.Н. Концепция фронта в современной отечественной литературе: Эвристические возможности и пределы применения // Вестник Брянского государственного университета. Исторические науки и археология. 2018. 1. С. 87–93. <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2018-02-01-87-93>
- Ламин В.А. Золотой генератор фронта // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: Общее и особенное. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2001. С. 66–96.

Российский фронт в Западной Сибири (XVI–XVIII вв.) — археологическое прочтение

Мамсик Т.С. Первопоселенцы Новосибирского Приобья: По материалам XVII — середины XIX в. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 252 с.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Селиверстова Т.В. Тобольский посадский острог XVII в. (по результатам археологических исследований Чукманского раскопа в 2008–2009 г. // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических конференций. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 205–209.

Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство: Военно-политические аспекты истории. Казань: Изд-во Фэн АН РТ, 2012. 260 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. Т. I. 630 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Издат. фирма «Восточная литература», 2000. Т. II. 796 с.

Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири: Конец XVI — XVII вв. СПб.: Алетейя, 2010. 432 с.

Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI — начало XX века: Фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: Сова, 2005. 193 с.

Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири, составленная Тобольским сыном боярским Ремезовым в 1701 году [Карты]. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1882. 1 л. текст, 24 сдв. л. карт.

Ремнев А.В. Колонизация Азиатской России: Имперские и национальные сценарии второй половины XIX — начала XX века Омск: ИД Наука, 2013. 248 с.

Татауров С.Ф. Купцы Айтикины: Несколько страничек к истории семьи // Актуальные вопросы историко-культурного и природного наследия Тарского Прииртышья: Материалы V науч.-практ. конф., посвященной памяти А.В. Ваганова. Тара: Изд-во А.А. Аскаленко, 2010. С. 78–87.

Татауров С.Ф. Город Тара и его роль в судьбе сибирских татар в XVII веке // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Казань; Кишинев, 2019. Т. 2. С. 199–205.

Татауров С.Ф., Корусенко М.А. История ислама в Западной Сибири: Междисциплинарный подход к хронологии и периодизации // Былые годы. 2015. № 38. С. 798–807.

Татауров С.Ф., Татауров Ф.С. Формирование системы жизнеобеспечения города Тары в XVII–XVIII веках: Использование местных природных ресурсов // Экология древних и традиционных обществ: Материалы VI Международной научной конференции, Тюмень, 2–6 ноября 2020 г. Тюмень: Изд-во ТюмНЦ СО РАН, 2020. Вып. 6. С. 356–359. <https://doi.org/10.20874/978-5-89181-072-3>

Татауров С.Ф., Шлюшинский А.В. Русское оружие на татарских памятниках XVI–XVIII вв. в Среднем Прииртышье // Интеграция археологических и этнографических исследований. Красноярск; Омск: ИД Наука, 2006. С. 143–145.

Татаурова Л.В. Методические аспекты формирования археологического источника Нового времени // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 69. С. 67–72. <https://doi.org/10.17223/19988613/69/9>

Татаурова Л.В., Татауров С.Ф. Вооружение и боевой запас русских Тарского Прииртышья в XVII–XVIII вв.: История и археология // Stratum plus. 2019. № 6. С. 353–365.

Татаурова Л.В., Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI – XVIII веках (по материалам археологических исследований). Омск: Издатель Полиграфист, 2014. 374 с.

Томилев Н.А. Некоторые этнические аспекты социальных связей сибирских татар XVII–XVIII вв. // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. Тобольск: Гор. Тип., 1988. С. 117–130.

Томилев Н.А. Этническая история тюркоязычного населения западно-Сибирской равнины конца XVI — начала XX в. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. 271 с.

Bassin M. Inventing Siberia: Visions of the Russian east in the early 19th century // American Historical Review. 1991. Vol. 96. P. 763–794.

Billington R.A. America's Frontier Heritage. Albuquergue, 1991. 320 p.

Ridge M., Billington R.A. America's Frontier Story. A Documentary History of Westward Expansion. Huntington, N. Y., 1980. 456 p.

Tataurova L.V.^{a, c, *}, **Tataurov S.F.**^{a, c}, **Tataurov F.S.**^{b, c}, **Sopova K.O.**^{a, c}

^a Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, prosp. Akad. Lavrentieva, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

^b Omsk State Historical and Cultural, Museum-Reserve "Antiquity Siberian" Sovetov st., 29, Bolsherechye, Omsk region, 646670, Russian Federation

^c Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, prosp. Mira, 55a, Omsk, 644077, Russian Federation
E-mail: li-sa65@mail.ru (Tataurova L.V.); tatsf2008@rambler.ru (Tataurov S.F.);
fil_opossum@mail.ru (Tataurov F.S.); sopovaukropova@gmail.ru (Sopova K.O.)

The Russian Frontier in Western Siberia (XVI–XVIII centuries) — an archaeological rendition

The Tara Irtysh region, including the city of Tara, as the main frontier outpost of the 17th–18th centuries, and its rural environs, is chosen as the pilot region in the study of the Russian frontier. Here, extensive archaeological

* Corresponding author.

material on the culture of urban and rural populations has been accumulated, and there is a representative body of written sources. The aim of this research is to study, on the basis of a complex analysis, the main developmental strategies of the Tarsky frontier: military, economic, and cultural. This will enable building a multicomponent model of the Russian frontier in the 16th–18th centuries for this region, identifying specifics of its formation, characteristic features, markers, and dynamics of changes as prerequisites for the advancement of the state to the east and southeast. In the study of the military strategy, a special role is assigned to the analysis of defensive structures which, together with weapons, specifically firearms, allowed resisting the militant nomads and defending the bordering territories inhabited by both Russian and indigenous populations. The study of the economic strategy revealed that the Russians in a short time created their own food economy based on the development of agriculture, cattle breeding, and the use of the natural resources — forest foraging, fishing, and hunting. Military confrontations and the formation of a life sustenance system required the development of various crafts: blacksmithing, pottery making, there was a need for clothing and footwear, and for food production. Trade relations were developing. The strategy of the cultural development was based on the paradigm of the Russian world — the spread of the Orthodoxy, into which the indigenous population was converted, including those serving in the Tarsky garrison. However, Muscovian authorities did not inhibit Islamization of the Tatars. Cohabitation of the Russians and Tatars facilitated the spread of the Russian language and Russian culture in the indigenous environment. This manifested in the change of the foundations of the traditional way of life of the native population, its restructuring according to the Russian model, and introduction of the advanced technologies. The Siberian Russian identity was developing on this international foundation.

Keywords: Siberia, frontier, archeology, Russians, Tara Irtysh region.

Funding. The study was carried out within the framework of the RSCF Grant № 22-28-20179 “Tara and the Tarsky Uyezd on the West Siberian frontier of the Russian state in the 16th–18th centuries: history and archeology”.

REFERENCES

- Ageev, A.D. (2016). *Siberia and the American West: The Frontier Movement*. Moscow: Aspect Press. (Rus.).
- Anoshko, O.M., Klimenko, S.I. (2019). Tobolsk Posadsky ostrog of the 17th century. *Teoriia i praktika arheologicheskikh issledovaniy*, 27(3), 7–19. (Rus.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2019\)3\(27\).-01](https://doi.org/10.14258/tpai(2019)3(27).-01)
- Apollova, N.G. (1976). Economic development of the Irtysh region at the end of the 16th — first half of the 19th century. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Baeva, L.V. (2012). Problems of cultural security in the study of frontier regions. *Gumanitarnyj vektor: Filosofiya, kul'turologiya*, (2), 37–42. (Rus.). <https://doi.org/10.21209/2307-1826-2016-11-2-37-42>
- Basalaeva, I.P. (2012). Frontier criteria: Towards the formulation of the problem. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, (2), 46–49. (Rus.).
- Bassin, M. (1991). Inventing Siberia: Visions of the Russian east in the early 19th century. *American Historical Review*, (96), 763–794.
- Billington, R.A. (1991). *America's Frontier Heritage*. Albuquergue.
- Bondarev, A.A., Tataurova, L.V., Tataurov, S.F. (2020). Animal husbandry and hunting in the Russian economy of the Tarsky Irtysh Region: The experience of comparative research of the city and the village. In: *Ehko-logiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv*, (6). Tyumen': Izd-vo TyumNC SO RAN, 292–295. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/978-5-89181-072-3>
- Bukanova, R.G., Sharipov, A.A. (2018). The concept of the frontier as an educational tool in the study of the history of Russian-Kazakh relations in the 18th–19th centuries. *Nauchnye vedomosti BeLGu: Istoriya. Politologiya*, (2), 326–332. (Rus.). <https://doi.org/10.18413/2075-4458-2018-45-2-326-332>
- Bykonina, G.F. (1981). *Settlement of the Yenisei Region by Russians in the 18th century*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Golovanova, S.A., Shnajder, V.G. (2012). The concept of the “frontier” in modern Caucasian literature. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurispruden-ciya, politologiya, kul'turologiya*, (3), 59–66. (Rus.).
- Goncharov, Yu.M., Ivonin, A.R. (2014). Socio-economic development of Tara in the late 16th — late 18th century. In: *Tara v XVI–XIX vekah — rossijskaya krepost' na beregu Irtysha*. Omsk: Amfora. (Rus.).
- Ivanova, L.M. (2016). Siberian Frontier: The study of the issue in Russian historical science. *Vestnik Tom-skogo gosudarstvennogo universiteta*, (410), 72–76. (Rus.). <https://doi.org/10.17223/15617793/410/11>
- Ivonin, A.R. (1996). *The urban Cossacks of Western Siberia in the 18th — first quarter of the 19th centuries*. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta. (Rus.).
- Ivonin, A.R. (2002). Formation of the urban core in the cities of Western Siberia in the second half of the 18th — first half of the 19th centuries. *Uchenye zapiski Altajskogo gosudarstvennogo instituta iskusstv i kul'tury*, (2), 155–156. (Rus.).
- Kochedamov, V.I. (1978). *The first Russian cities of Siberia*. Moscow: Strojizdat. (Rus.).
- Kolesnikov, A.D. (1999). *Omsk arable land: Settlement and agricultural development of the Irtysh region in the 16th — early 20th centuries*. Omsk. (Rus.).
- Korusenko, S.N. (2011). *Siberian Bukharans at the beginning of the 18th century*. Omsk: Nauka. (Rus.).
- Kradin, N.P. (1988). *Russian wooden defense architecture*. Moscow: Iskusstvo. (Rus.).

Krupenkin, E.N. (2018). The concept of the frontier in modern Russian literature: Heuristic possibilities and limits of application. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskie nauki i arkheologiya*, (1), 87–93. (Rus.). <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2018-02-01-87-93>

Lamin, V.A. (2001). Golden Frontier Generator. In: *Frontir v istorii Sibiri i Severnoj Ameriki v XVII–XX vv.: Obshchee i osobennoe*. Novosibirsk: Izd-vo IDMI, 66–96. (Rus.).

Mamsik, T.S. (2012). *The first settlers of the Novosibirsk Ob region: Based on the materials of the 17th — mid-19th century*. Novosibirsk: Izd-vo Sibirskogo otd-niia Rossiiskoi akad. Nauk. (Rus.).

Matveev, A.V., Anoshko, O.M., Seliverstova, T.V. (2010). Tobolsk Posadsky ostrog of the 17th century (according to the results of archaeological research of the Chukmanskij excavation in 2008–2009). In: *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt Zapadno-Sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh konferentsii*. Tomsk: Agraf-Press, 205–209. (Rus.).

Matveev, A.V., Tataurov, S.F. (2012). *Siberian Khanate: Military and political aspects of history*. Kazan: Fen AN RT. (Rus.).

Miller, G.F. (1999). *History of Siberia. T. 1*. Moscow: Vostochnaya literatura RAN. (Rus.).

Miller, G.F. (2000). *History of Siberia. T. 2*. Moscow: Vostochnaya literatura RAN. (Rus.).

Puzanov, V.D. (2010). Military factors of Russian colonization of Western Siberia the end of the 16th — 17th centuries. St. Petersburg: Aletejya. (Rus.).

Remezov, S.U. (1882). *The drawing book of Siberia, compiled by the Tobolsk son boyarsky Remezov in 1701 [Maps]*. St. Petersburg: Tip. A.M. Kotomina. (Rus.).

Remnev, A.V. (2013). *Colonization of Asian Russia: Imperial and national scenarios of the second half of the 19th — early 20th century*. Omsk: Nauka. (Rus.).

Rezun, D.Ya., Shilovskij, M.V. (2005). *Siberia, late 16th — early 20th century: Frontier in the context of Ethnoscocial and ethno-cultural processes*. Novosibirsk: Sova. (Rus.).

Ridge, M., Billington, R.A. (1980). *America's Frontier Story: A Documentary History of Westward Expansion*. Huntington, New York.

Tataurov, S.F. (2010). Merchants of Aitikin: a few pages to the family history. In: *Aktual'nye voprosy istoriko-kul'turnogo i prirodnogo naslediia Tarskogo Priirtysh'ia: Materialy V nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvashchennoi pamiati A.V. Vaganova*. Tara: Izd-vo A.A. Askalenko, 78–87. (Rus.).

Tataurov, S.F. (2019). The town of Tara and its role in the fate of the Siberian Tatars in the 17th century. In: *Genezhskaya Gazariya i Zolotaya Orda*. Kazan'; Kishinev, 199–205. (Rus.).

Tataurov, S.F., Korusenko, M.A. (2015). The history of islam in Western Siberia: interdisciplinary approach to chronology and periodization. In: *Bylye Gody*, 38(4), 798–807. (Rus.).

Tataurov, S.F., Shliushinskii, A.V. (2006). Russian weapons on Tatar monuments of the 16th–18th centuries in the Middle Irtysh region. In: *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii*. Krasnoyarsk; Omsk: Nauka, 143–145. (Rus.).

Tataurov, S.F., Tataurov, F.S. (2020). Formation of the life support system of the city of Tara in the 17th–18th centuries: The use of local natural resources. In: *Ehkologiya drevnikh i tradicionnykh obshchestv*, (6). Tyumen': Izd-vo TyumNC SO RAN, 356–359. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/978-5-89181-072-3>

Tataurova, L.V. (2021). Methodological aspects of the formation of the archaeological source of Modern Ages. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, (69), 67–72. (Rus.). <https://doi.org/10.17223/19988613/69/9>

Tataurova, L.V., Tataurov, S.F. (2019). Armament and combat reserve of the Russians of the Tarsky Irtysh region in the 17th–18th centuries: History and archeology. *Stratum plus*, (6), 353–365. (Rus.).

Tataurova, L.V., Tataurov, S.F., Tataurov, F.S., Tikhomirov, K.N., Tikhonov, S.S. (2014). *Adaptation of Russians in Western Siberia at the end of the 16th — 18th centuries (based on materials of archaeological research)*. Omsk: Poligrafist. (Rus.).

Tomilov, N.A. (1988). Some ethnic aspects of the social ties of the Siberian Tatars of the 17th–18th centuries. In: *Sotsial'no-ekonomicheskie problemy drevnei istorii Zapadnoi Sibiri*. Tobolsk: Gor. Tip., 117–130. (Rus.).

Tomilov, N.A. (1992). *Ethnic history of the Turkic-speaking population of the West Siberian plain of the late 16th — early 20th century*. Novosibirsk: Izd-vo Novosib. un-ta. (Rus.).

Татаурова Л.В., <https://orcid.org/0000-0003-4829-7619>

Татауров С.Ф., <https://orcid.org/0000-0001-6824-7294>

Татауров Ф. С., <https://orcid.org/0000-0002-9447-1035>

Сопова К.О., <https://orcid.org/0000-0001-8563-1319>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 30.05.2022

Article is published: 15.09.2022